

턴아웃 by 하은경

TURN OUT by Ha Eun Kyung

Copyright © 2023 Special Books

Russian Translation Copyright © 2026 AST Publishers Ltd.
ALL RIGHTS RESERVED

This translated edition was published by arrangement with
Special Books through Shinwon Agency Co.

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

Ха Ынгөн

32
фүлүм

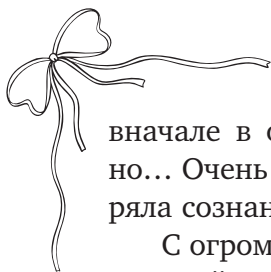

Москва
2026

Третий акт «Лебединого озера». Джена, с силой выдохнув, выбежала на сцену. Момент, когда черный лебедь Одиллия жаждет заполучить любовь принца. Именно в этой сцене руководитель Со несколько десятков раз требовала от Джены зачарованно улыбаться. Она ощутила кончиком пальца, что с пуантом что-то не так. словно в него что-то попало и теперь мешало. Джена вышла на фуэте, изo всех сил стараясь сохранять улыбку. Но как только она начала делать тридцать два вращения, удерживая равновесие на одной ноге и помогая другой, большой палец опорной ноги пронзила резкая боль. Осколок стекла впился

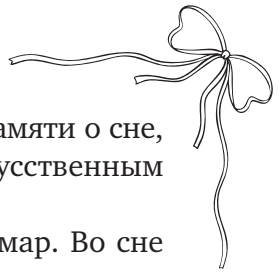
вначале в один сустав, затем в другой. Больно... Очень больно... От боли Джена едва не теряла сознание.

С огромным усилием она посмотрела в зрительный зал. И увидела, что среди двух тысяч мест нет ни одного свободного. В темноте зрители смотрели на нее, затаив дыхание. Боль в пальце была такая, что дыхание перехватывало. Джене хотелось немедленно броситься прочь со сцены. Но тут она встретилась глазами с мамой, сидевшей во втором ряду в центре зала. Заметила ли та внезапную перемену в выражении лица дочери? Взгляд ее буквально на мгновение тревожно дрогнул, но тут же вновь стал надменным, как у кошки. Теперь Джена не могла ни убежать со сцены, ни выдержать этого взгляда и этой боли. На глаза ее навернулись слезы. Мама, без сомнения, их заметила и сурово поджала губы.

«Джена, ты должна продолжать танцевать! Мама не убежала, и ты не убегай! Даже если ты умрешь, то лучше умри на сцене!»

— Что за ерунда?!

Проснувшись, Джена рывком села на постели. Ей приснился кошмар. Тело взмокло от пота. Большой палец на ноге все еще ныл, точно его и правда порезали осколком стекла. Может быть, это нервы из-за просмотра? Но она была не из тех, кто волнуется перед такими мероприятиями, а потому совершенно не понимала, к чему этот сон. Она вспомнила большие глаза матери, пристально смотревшие

на нее. Чтобы стереть это лицо из памяти о сне, Джена обратилась к роботу с искусственным интеллектом:

— Вивиан, мне приснился кошмар. Во сне я вышла на сцену и в моих пуантах оказался осколок стекла. Я даже думала, что умру, — такой сильной была боль. Растолкуй мой сон.

Сейчас, когда пролетела уже половина двадцать первого века, толкование сновидений обрело популярность. По мере развития науки и техники люди все больше тревожились и полагались на всякие суеверия: толкования снов, гадания и гороскопы. Глаза стоящего рядом с круглым столом робота вспыхнули голубым светом. Вивиан, которая внешне напоминала маленького снеговика, эмоционально, как и всегда, сказала:

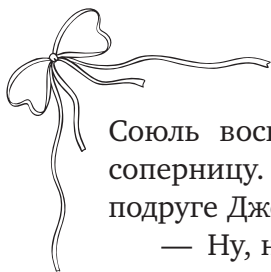
— Ох, вы, должно быть, сейчас очень нервничаете! Кажется, сон намекает, что в ваших отношениях с людьми могут возникнуть проблемы, и потому вам следует быть осторожной.

Джена сделала недовольное лицо и спросила:

— Быть осторожной в отношениях с людьми? Ты имеешь в виду членов балетной труппы?

— Это могут быть или они, или другие ваши знакомые.

Вдруг в голове Джены возник образ Союль. Ким Союль — девушка с маленьким, тонким личиком, на котором всегда лежит тень. Когда-то они были лучшими подругами, но теперь

Союль воспринимала ее исключительно как соперницу. Только от одной мысли о бывшей подруге Джена нахмурилась.

— Ну, наверняка это Союль? Она же вечно психует, что не может угнаться за мной.

Робот Вивиан, внимательно наблюдая за выражением лица Джены, осторожно проговорила:

— Хм... Я думаю, сон отражает ваше психологическое состояние, Джена. Вы, должно быть, очень нервничаете из-за подготовки к просмотру.

Джена перебила ее:

— Я сохраняю самообладание. Поэтому ставлю на то, что наши с Союль отношения еще больше испортятся. Конечно, если такое возможно, ведь они и так хуже некуда.

— Сны не только предсказывают будущее, но и могут раскрывать тревоги.

— Говорю же: нет. Я не нервничала.

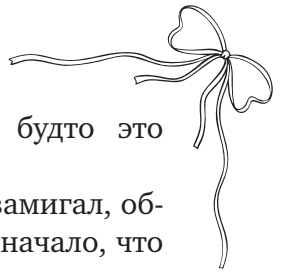
— Даже перед таким важным просмотром вы совсем не беспокоитесь? А вы отлично шутите!

— Это правда. Я на самом деле ни капли не волнуюсь.

Голубой свет от робота осветил лицо Джены. Немного помолчав, Вивиан сказала:

— Джена, ваша психика действительно сильна. Но, мне кажется, госпожа Суён не может похвастаться тем же. В последнее время она нервничает гораздо больше вас.

Услышав слова Вивиан, Джена надулась:

— С мамой всегда так. Как будто это не я иду на просмотр, а она.

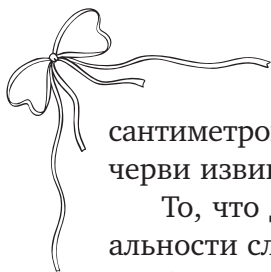
Голубой свет Вивиан хаотично замигал, обращаясь то вправо, то влево. Это означало, что она ощущает дискомфорт.

После небольшой паузы Вивиан ответила. Спокойствие никуда не ушло из ее голоса:

— Как бы то ни было, таково мое мнение. Вы же помните, что просмотр сегодня в десять утра? На роль в балете «Жизель» Сеульской городской труппы. Желаю вам удачи.

Джена окинула недовольным взглядом отключившегося робота. Ей нигде не удавалось отделаться от мамы. Даже от собственного робота приходилось слышать о ней. Поскольку они жили только вдвоем, вмешательство матери становилось все более сильным. Настолько, что уже напоминало не просто вмешательство, а утомительную одержимость. С отцом, кроме особых дней, Джена не встречалась. Все потому, что она была очень занята с тех пор, как попала в Сеульский городской балет. Джена присоединилась к труппе в прошлом году, поступив на пятый год обучения в балетной школе, которая заменяла учебу в обычных старших классах.

Пальцы ног снова заныли. Но причиной тому был не сон. В последнее время они постоянно отекали и болели. Немного помассировав их, Джена невольно вспомнила о шраме на правом подъеме стопы своей матери. Там красовался след от стежков длиной около пяти

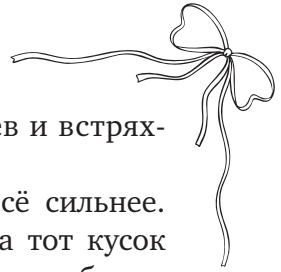

сантиметров. Он выглядел отвратительно, будто черви извивались под кожей.

То, что Джена видела во сне, когда-то в реальности случилось с ее матерью.

Около двадцати лет назад мама танцевала в Голландском государственном балете, тогда-то и произошел тот несчастный случай. Прямо во время ее выхода в «Щелкунчике». Говорили, что ей в пуанты кто-то подложил кусок стекла. Врач вытащил его из подъема стопы, и он оказался огромным, примерно в половину большого пальца. По словам доктора, мама была невероятно упорной, поскольку довела выступление до конца, несмотря на нечеловеческую боль. Как ей удалось это выдержать и закончить свою партию? Мама рассказывала, что тогда перед выходом на сцену так волновалась, что, даже почувствовав что-то инородное в пуанте, все равно начала танцевать.

Из-за этой травмы ей пришлось на год уйти из балета. Осколок стекла повредил не только связки подъема, но даже кость. Спустя год мама так и не вернулась в труппу. Более того, она решила уйти из балета навсегда. Все потому, что ее тело восстановилось, а вот душа — нет. Она сказала, что не могла спокойно надевать пуанты и все время чувствовала, что кто-то, кто считал ее конкуренткой, украдкой наблюдает за ней, затаив дыхание. Она очень боялась, что внутри окажется еще один кусок стекла. С тех пор мама надевала

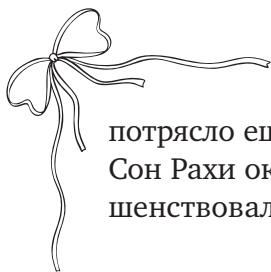
пуанты только тщательно осмотрев и встряхнув их.

Но тревожность становилась всё сильнее. Сразу после травмы мама оставила тот кусок стекла у себя и хранила, завернув его в белую ткань. Тогда же она поклялась себе, что больше никому не позволит причинить ей вред.

Когда Джена спрашивала ее, почему же никто не нашел и не наказал виновного, мама качала головой и отвечала, что у нее не оставалось ни физических, ни моральных сил делать что-либо для этого, и советовала Джене быть осторожней с окружающими, причем не только с незнакомцами, но и с теми, кого она хорошо знает. Мама ни на секунду не забывала об осторожности, даже оставаясь в одиночестве. Творческие люди часто эмоционально нестабильны и могут потерять себя в одно мгновение. Так или иначе, мама ушла из балета. Из примабалерины, любившей аплодисменты и овации, она превратилась в маму, одержимую балетными успехами дочери.

Джена посмотрела на яркий световой индикатор на груди робота. 7:50. Нужно спешить в оперный театр, где находится Сеульский городской балет. На душе все еще было нехорошо. Конечно, во всем виноват ночной кошмар. Но не только из-за сна Джена чувствовала дискомфорт перед просмотром.

Месяц назад умерла танцовщица из Сеульского городского балета. Ее самоубийство само по себе стало шоком, но балетную труппу

потрясло еще кое-что. По результатам вскрытия Сон Рахи оказалась балериной, чье тело усовершенствовали с помощью наночипа.

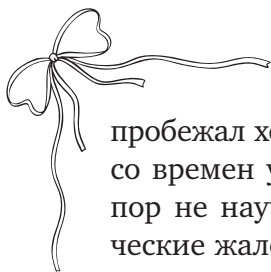

Союль шла к оперному театру, приложив мобильный к уху. Она разговаривала с матерью своей ученицы с помощью голограммы дополненной реальности. Каждый раз, когда мать Хэри, девочки, которую Союль учила балету, звонила, приходилось висеть на телефоне минут по двадцать-тридцать. Голос у женщины был такой же ноющий, как у ее дочери.

Мать Хэри, которая уже какое-то время вещала о том, как в последнее время себя чувствует дочь, вдруг неуверенно сказала:

— Учитель, мне жаль, что приходится такое говорить...

Союль тут же почувствовала, как по коже

пробежал холодок. Она давала детям уроки еще со времен учебы в балетной школе, но до сих пор не научилась быстро реагировать на всяческие жалобы их родителей.

— Хэри снова говорит, что больше не хочет заниматься балетом.

Лицо Союль тут же окаменело, и она спросила:

— Хэри? Но мне она никак этого не показывала.

— А мне вот рассказала. Она не хочет заниматься балетом, потому что вы хвалите только Хаю.

«Так у них же такая разница в уровне...»

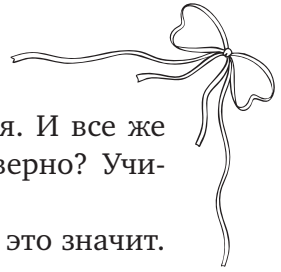
Что мать, что дочь — обе вели себя крайне инфантильно. Союль ситуация показалась абсурдной, но ей пришлось стерпеть. Зарабатывать деньги оказалось непросто. И все же девушка считала, что ей это давалось легче, чем ее родителям. Потому что ей не нужно было тяжело работать в тесном ресторанчике до поздней ночи. Когда Союль подумала о родителях, в горле встал комок. Она успокоила свои взволнованные чувства и произнесла мягко, словно уговаривая:

— Быть такого не может! О Хэри я забочусь несколько не меньше, чем о Хаю!

— Правда ведь?

— Конечно!

В трубке послышался слабый вздох. Заметив небольшую брешь в защите Союль, мама Хэри снова начала ныть:

— Моя доченька такая ранимая. И все же у нее ведь есть талант к балету, верно? Учитель, позаботьтесь о моей Хэри.

Союль хотела спросить, что все это значит. Она даже обрадовалась, что сейчас они не разговаривали лицом к лицу. В противном случае мама Хэри тут же поняла бы по выражению лица девушки, в каком та замешательстве. По мнению Союль, у Хэри была серьезная проблема, которая непременно должна была стать помехой на пути к успешной балетной карьере. Слишком грузное телосложение. А вдобавок еще и склонность легко набирать вес. Но она не могла заставить себя сказать это матери Хэри, которая серьезно настроилась вырастить из дочери балерину. Союль знала, что эта болтливая женщина легко могла начать распускать о ней всякие слухи. Как только в сообществе мамочек балерин появится плохой отзыв, дети тут же перестанут ходить на занятия Союль.

— Что ж, доверюсь только вам, учитель. Я уговорю Хэри ходить на занятия.

«Вам совсем не обязательно это делать...» — хотела сказать девушка, но снова сдержалась.

Слушая болтовню матери Хэри вполуха, она вдруг уставилась на проехавшую мимо спортивную машину. Автомобиль королевского синего цвета остановился на парковке, расположенной на первом этаже оперного театра.

— Мама Хэри, мне сейчас пора на работу. Я перезвоню вам позже.